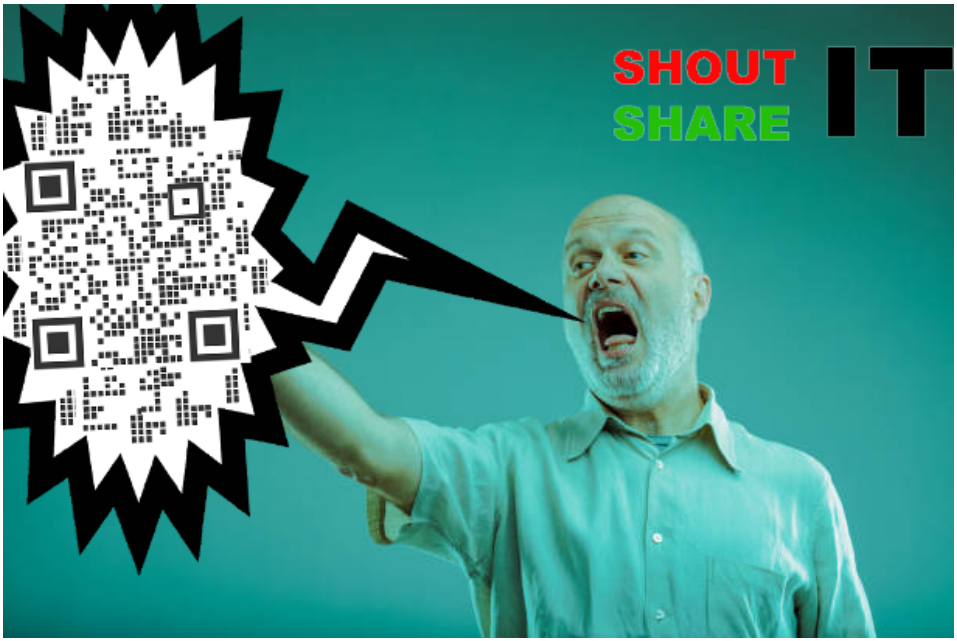
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мини-мемуары о Евгении Сергеевиче Деммени — одном из основоположников советского театра кукол, актере, режиссере.

- Ирина Феона
  - ○

Ирина Феона
Кудесник кукольного театра

Один из основоположников Кукольного театра в Советском Союзе Евгений Сергеевич Деммени начал свою творческую деятельность в Ленинграде в 1924 году. Созданный им тогда «Театр Петрушки» не имел своего официального статуса. Это был всего лишь любительский коллектив. Два его спектакля — «Арлекинада» и «Петрушка» — имели значительный успех.

А. А. Брянцев, внимательно следивший за развитием и работой «Театра Петрушки», предложил соединить его с ТЮЗом, где он был главным режиссером. Евгений Сергеевич с радостью принял это предложение. Теперь у коллектива появилась крыша над головой и можно было думать о создании профессионального «Театра Петрушки». Вскоре этот театр слился с театром марионеток. Под той же крышей образовался новый кукольный коллектив во главе с Деммени. В конце 1936 года он отделился от ТЮЗа и продолжил свою работу в новом помещении на углу Невского и Садовой. Руководил театром до последних дней своей жизни Евгений Деммени.

Ему было бы сейчас девяносто два.

Евгений Сергеевич Деммени окончил Николаевский кадетский корпус, а затем офицерские курсы Пажеского корпуса и был выпущен в чине прапорщика инженерных войск.

Он был олицетворением интеллигентности, той интеллигентности, которая передается из поколения в поколение. Те, кто видел Деммени впервые, невольно обращал внимание на его руки. Только его длинные, тонкие пальцы могли так мастерски оживлять петрушечных кукол, превращая их в поистине живые существа.

Когда мне исполнилось пять лет, отец решил, что настала пора приобщить меня к миру чудес и таинственных превращений. Мы отправились в кукольный театр под художественным руководством Е. С. Деммени, с которым папа был знаком и к которому испытывал самые добрые чувства.

Открылся занавес, и на сцене появились куклы. Они стали громко разговаривать и размахивать руками. Я испугалась, зажмурилась и так просидела все первое действие.

— Уйдем отсюда, я боюсь, — попросила я папу в антракте.

Мы пробирались сквозь толпу детворы — поспешно, крадучись. Отец опасался встречи с Евгением Сергеевичем —

боялся, что он может обидеться, увидев наше бегство.

Прошло несколько лет. Все эти годы театр кукол так и не возбудил во мне интереса, остался закрытой книгой.

Однажды, будучи уже ученицей десятого класса, я попала на какой-то скучный эстрадный концерт. Запомнился пошловатый конферансье. После каждого номера он выходил на сцену и, обращаясь к зрителям, «изрекал»:

— Похлопаем, товарищи.

«Наверное, был затейником в доме отдыха», — подумала я.

Наконец объявили последний номер:

— Евгений Сергеевич Деммени. «Куклы на эстраде».

— Вы увидите пианиста-виртуоза, — продолжал конферансье, — который исполнит на рояле двенадцатую рапсодию Листа. Похлопаем, товарищи!

Внесли ширму. На сцену вышел Деммени. Высокий, статный, чуть подгримированный. Над ширмой появился «пианист-виртуоз». Зрительный зал оживился. Каждое движение «пианиста», каждый наклон головы, поворот туловища, показанные в острой пародийной манере, отождествлялись не с куклой, а с человеком. Позерство, пафос, напускной темперамент — все угадывалось в движении куклы и было выполнено блестяще. Руки Деммени творили чудеса. С этого дня я «заболела» кукольным театром.

В начале своего творческого пути Евгений Сергеевич отдавал предпочтение куклам-петрушкам. Позже он поменял технику. У него появились марионетки и тростевые куклы. Для его театра писали интереснейшие авторы, в их числе Маршак и Шварц.

Как я благодарна судьбе за то, что в юные годы попала в дом народного артиста Юрия Михайловича Юрьева. Там мне посчастливилось познакомиться с Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом, Зинаидой Николаевной Райх, Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, Александром Михайловичем Давыдовым (знаменитым тенором, в ту пору вернувшимся из Парижа на Родину). Владимиром Владимировичем Софроницким…

К Юрьеву мы приехали, когда там уже были Евгений Павлович Студенцов и его жена Нина Михайловна Железнова — актеры Пушкинского театра, завсегдатаи дома Юрия Михайловича. Хозяин пригласил нас к столу.

В разгар ужина, когда Юрий Михайлович, как всегда блистательно, рассказывал различные комические истории из своей жизни (проявляя при этом недюжинный талант

характерного актера), раздался звонок в парадную дверь. Юрий Михайлович, прервав рассказ, пошел встречать запоздалого гостя. Через несколько долгих минут в столовую вошел Евгений Сергеевич Деммени. Видно, приехал с концерта. На лице оставались чуть заметные следы грима. Как я узнала позже, Юрий Михайлович был в дружеских отношениях с Евгением Сергеевичем еще с 1918 года, когда оба они работали в Петроградском коммунальном театре.

Во время ужина Деммени неожиданно поднялся и, обращаясь ко всем сидящим за столом, сказал:

— Мне пора…

— Что значит пора? — перебил его Юрьев. — Мы вас никуда не отпустим. Вы должны показать «Чаплина».

— Вот об этом я и хотел сказать. Мне пора показать «Чаплина».

Откуда ни возьмись появился патефон, и полились прекрасные, трогательные мелодии из фильмов Чарли Чаплина. Над импровизированной ширмой показалась кукла — дружеский шарж на знаменитого актера. Кукла зашагала. Мы увидели семенящую походку Чаплина, вывернутые наружу носками ступни ног, свободно вертящуюся тросточку. «Чаплин» забавно стряхивал с себя пыль концом тросточки, и вдруг в руках у него появилась полуметровая лента. Он играл с нею, то подымая ее вверх и описывая круги, то змеевидно опуская. Неожиданно «Чаплин» уронил свой знаменитый котелок за ширму. Я вскочила, чтобы поднять его, но котелок «сам» устремился вверх и водворился на голову «Чаплина». Кукла смотрела на зрителя грустными глазами.

Существует поговорка: «Точность — вежливость королей». А я перефразировала бы ее так: «Точность — вежливость Деммени». Об этом его качестве я узнала, когда написала пьесу-сказку и принесла ее к нему в театр. Впрочем, об этом надо рассказать по порядку.

Я позвонила Евгению Сергеевичу. Он был очень любезен. Мы поговорили, вспомнили уже умершего в ту пору отца, вспомнили общих наших знакомых — актеров. Затем он неожиданно спросил:

— Чем обязан вашему звонку?

— Я написала кукольную пьесу. Хотелось бы узнать ваше мнение о ней.

— Что ж, прекрасно. Приносите в театр завтра. В три вы свободны?

— Да.

На следующий день я была в театре, но не в три, как просил Деммени, а в десять минут четвертого (из-за «точности» городского транспорта). Постучала в кабинет Евгения Сергеевича.

— Входите, — ответил мне незнакомый голос.

Вошла В кабинете сидел помреж.

— Вы Феона? — спросил он.

— Да. Я принесла Евгению Сергеевичу пьесу. Он назначил мне встречу в три часа.

— А сейчас десять минут четвертого, — посмотрев на часы, заметил помреж. — Он вас ждал, ждал… Очень не любит, когда опаздывают.

— Но я опоздала всего на десять минут.

— Этого вполне достаточно, чтобы наш главный режиссер успел рассердиться.

— Рассердиться?! — я совсем растерялась.

— Ничего, отойдет. Вы ему позвоните, а пьесу оставьте.

Вернувшись домой, я позвонила Евгению Сергеевичу. Он был не очень приветлив, немногословен. Я бессвязно оправдывалась, пытаясь объяснить причину своего опоздания. Деммени на это никак не реагировал.

— Завтра в семь вечера я позвоню вам, — сказал он. — До свидания.

На следующий день, ровно в семь, одновременно с глухим боем наших старинных напольных часов, раздался телефонный звонок. Я взяла трубку. Звонил Евгений Сергеевич.

— Что ж я могу сказать?.. Думается, что пьеса театр устроит… При одном условии. Надо заново переписать все третье действие, и быстро.

— Да, да, понятно! Я пишу быстро.

— Быстро это еще не все, к сожалению. Приходите завтра в три. В три, вы слышите? — Он сделал ударение на слове три.

— Я все слышу и все поняла, Евгений Сергеевич.

— У меня есть некоторые соображения по поводу третьего действия. Обсудим, подумаем.

На следующий день, уже в половине третьего, я была в театре, а ровно в три постучала в дверь его кабинета. Он был один и листал мою пьесу.

Беседа наша длилась довольно долго. Его предложения были чрезвычайно интересными. Он так детально разработал третий акт, что мне оставалось лишь написать его по готовой канве.

— Ну что, все ясно?

— Еще бы! Я никогда не могла бы такое придумать. Мне кажется, третье действие будет самым смешным. — И, помолчав немного, добавила: — Отныне, Евгений Сергеевич, считаю вас

своим соавтором.

— Что вы хотите этим сказать? — глаза его мгновенно сузились и стали колючими.

— Ну… вы проделали огромную работу… Мой долг…

— В чем ваш долг? Я не для вас проделал, как вы говорите, огромную работу, а для театра, которому служу, и если я когда-нибудь еще услышу такое, считайте, что наши отношения прерваны.

И вот сейчас я думаю о нашем сегодня. Пестреют афиши театров: драматических, музыкальных, кукольных, и очень часто в каждой афише главный режиссер того или иного театра является автором или соавтором, да и не одного, а нескольких идущих спектаклей. По принципу «своя рука владыка» — сам пишу, сам ставлю. Куда же девались режиссеры, рыцарски отдававшие любимому делу свой труд, переписывавшие заново целые сцены, целые акты, а подчас и всю пьесу для блага театра, а не ради собственного благополучия?..

…Итак, через несколько дней третье действие сказки «Один плюс один» было заново написано, и театр приступил к постановке. Через три недели состоялась премьера. Спектакль прошел успешно, и этому немало способствовало очень забавное оформление художника Гдаля Бермана. В большую ширму он вмонтировал огромные игрушечные кубики, одна из стенок кубика раскрывалась, и в ней появлялось то или иное действующее лицо: Ослик, Медвежонок, Кот неученый, Мама Ослица и другие персонажи.

Летом восемьдесят восьмого года мне довелось побывать на Петровском острове, в Доме ветеранов сцены — навестить там бывшего помощника режиссера театра Деммени Ивана Федоровича Андреева. С ним меня связывали давние дружеские отношения. Иван Федорович — пожилой человек, инвалид войны, ходит на костылях. Тяжелое увечье не помешало ему связать свою творческую жизнь с кукольным театром, вначале в качестве актера, позже — помрежа. И, конечно же, при каждой встрече мы вспоминаем замечательного кукольного Мастера…

— Не принимаю я нынешний кукольный театр. Не нравится мне, когда кукловоды появляются на сцене и на глазах у зрителей манипулируют с куклами. Зритель невольно отвлекается, смотря на этот обнаженный механизм. Прежде в кукольном театре была какая-то своя тайна, то, о чем можно было только догадываться…

— Значит, вы против актеров-кукловодов на сцене? Но сейчас почти все кукольные театры мира перешли на открытую форму вождения, — возразила я Ивану Федоровичу.

— Да не против, не против я актеров на сцене, вы меня не так

поняли. Вспоминаю наш спектакль «Гулливер в стране лилипутов». Гулливера играл актер и выходил на сцену в «человечьем обличии», а лилипутами были куклы. А как это впечатляло! Не случайно спектакль продержался в репертуаре театра многие годы — прошел около тысячи раз.

Я решила не продолжать эту тему. Каждому дано право иметь свое мнение. Иван Федорович меж тем предался воспоминаниям.

— Евгений Сергеевич был магом и волшебником кукольного театра. Он ежедневно наблюдал за ходом репетиций. Как сейчас вижу: вот он вскакивает с места, совсем по-молодому бежит на сцену, отбирает у актера куклу, надевает на руку и показывает. Да как! Кукла начинает дышать, у нее появляется характер. Трудолюбия он был огромного. Мне запомнился один день. Неполный состав нашей труппы вернулся из эвакуации еще в 1944 году, остальная же часть — в сорок пятом, их приезд совпал с Днем Победы.

Приехали усталые, измученные длинной дорогой. Чемоданы с куклами и всяким реквизитом тащили на себе. Евгений Сергеевич улыбался, глаза его сияли.

А через несколько минут всеобщих поздравлений и ликований послышалось знакомое: «Товарищи, минуту внимания. Примемся за работу. Распаковывайте чемоданы, приводите кукол в порядок — вечером ответственный концерт». — «Евгений Сергеевич, сегодня такой праздник, нам бы отдохнуть», — послышались робкие голоса. «Вы, наверное, забыли, что мы перед ленинградцами в долгу». И никто не посмел ослушаться. Да наверное и не захотел бы.